

Каптерев Н.Ф., 1909 г.

Глава XI. Отрицательное отношение к реформам Никона в среде православных (1)

Протест против церковно-реформаторской деятельности Никона в среде русских иерархов. Непризнание новоисправленных Никоном книг большинством белого и черного духовенства. Признание Никона бывшими в Москве учеными греками церковным новатором и разорителем древних церковных обычаев. Общее печальное состояние тогдашней церковно-богослужебной практики, как следствие церковной реформы Никона.

Запутанное положение церковных дел после оставления Никоном патриаршей кафедры еще более осложнялось тем обстоятельством, что против церковной реформы Никона восстали не один только члены бывшего кружка ревнителей благочестия, но и многие из приверженцев церкви, вовсе не думавшие о каком-либо отделении от нее, принадлежавшие к ее клиру и даже к высшей церковной иерархии. Если бы протест против реформаторской деятельности Никона исходил только от членов бывшего кружка ревнителей благочестия и их сторонников, то в этом протесте можно было бы видеть одни личные счеты таких людей, которые ранее были очень близки к Никону, возлагали на него, как патриарха, свои честолюбивые и эгоистичные расчеты, но которые решительно обманулись в нем и потому возненавидели его. В виду этого, протестам против никоновской реформы со стороны Неронова, Аввакума, Лазаря и других подобных лиц, можно было бы, пожалуй, и не придавать особенно важного значения, как протесту тенденциозному, подсказанному только личными сторонними самому делу мотивами. Но совсем другое впечатление получалось, когда против реформы Никона стали высказываться уже не Неронов, Аввакум и подобные им, но сами русские архиереи, когда к новоисправленным книгам отрицательно отнеслось большинство белого и черного духовенства, когда даже сами ученые греки, бывшее тогда в Москве, признали Никона церковным новатором, разорителем старых священных церковных обычаев.

Известный старообрядческий деятель и писатель Денисов, в своем известном сочинении «Виноград Российский» заявляет, что под соборным определением о книжных исправлениях некоторые архиереи подписались только из страха и после раскаялись в этом. «Макарий митрополит новгородский, говорит Денисов, тако скорбяше, тако сетоваше о оных повиннах, яко и рукополагающихся священники укрепляше, еже новинне приимати: аще аз и подписахся, рече, трепетом мучений объятый, но вы крепко держитесь древлецерковнаго благочестия. И не инако сам служаше и благословляше, но яко исперва прият, яко от млада научися. Сице и во всем граде, при оногo бытности, не бе

гонения, ниже нужды, но вси по первому обычаю совершаша службы. Аще от Никона многожды оный архиерей зазираем и досаждаем бе, некогдаже и во узах терпяше, обаче аще и не явно за страх, но в тай древнее похваляше благочестие. Тако и Маркел архиепископ вологодский подписався на соборе оном страха ради Никонова, но послезде раскаявся, вельми тужаше и зело печаловася о сем, и в своем граде никаковой нужды, ниже гонения, ни насилия никакова о древлецерковном благочестии людем содела. Тако и Александр епископ вятский, аще на соборе страхом преклонен, подписался, но последи и плакаше и рыдаше о сем, новин весьма ненавидяше. Свидетельствует о сем яственно того послание жалобное ко государю царю, поданное на Никона во 171 годе, в нем же Никоновы прегорчайшия плоды, огорчившия русскую землю, изрядно объявляет».

Это заявление Денисова, что некоторые архиереи не сочувствовали церковной реформаторской деятельности Никона, — подтверждается прямыми современными свидетельствами. Уже по вопросу о поклонах против Никона открыто выступил коломенский епископ Павел. Суровая расправа Никона с Павлом подавила на время оппозицию Никону среди архиереев, но не уничтожила ее окончательно и пострадавшего от Никона, своего собрата — Павла архиереи называют потом «божественным страдальцем». Некоторые из иерархов, присутствовавших на соборе 1655 года, хотя и неоткрыто, однако говорили, по свидетельству Павла Алепского, по поводу заявления Никона о необходимости согласовать русские церковные книги, чины и обряды с тогдашними греческими: «мы не переменим своих книг и обрядов, кои мы приняли издревле. Однако, замечает Алепский, они не смеют говорить открыто, ибо гнев патриарха неукротим». Когда потом Никон в Успенском соборе на виду у всех переменил русский клобук на греческий, то, по свидетельству того же Павла Алепского, присутствовавшие при этом в соборе епископы, игумены, священники и народ подняли ропот и говорили: «смотрите, как он переменяет одеяние архиереев, которое они приняли по внушению Святого Духа с того времени, как мы сделались христианами чрез святого Петра. Как земля не поколеблется под ним! ибо, одеваясь доселе по-московски, он сделался греком».

Оставление Никоном патриаршей кафедры развязало руки недовольным иерархам и они теперь открыто выступили и лично против Никона и против его церковной реформы. Из них своим открытым протестом особенно выдается вятский епископ Александр. Правда, Александр присутствовал на соборах 1656 года, бывших в апреле, мае и октябре, и подписался под определениями этих соборов, одобрявших Скрижаль, новоисправленный требник, наложивший проклятие на двоеперстников, на Неронова и его единомышленников. Но это обстоятельство не помешало потом Александру открыто выступить против того самого новоисправленного требника, который он сам одобрил к печатанию на соборе 1656 года, одобрил, очевидно, только из страха пред грозным Никоном, из боязни испытать за несогласие с патриархом участь епископа Павла коломенского.

Епископ Александр написал направленное против Никоновских книжных исправлений

особое исследование, которое он потом намерен был представить на рассмотрение и решение отцов собора 1666 года. В предисловии к своему изысканию епископ Александр обращается к отцам собора с следующей речью: «Велицыи отцы и братия, преосвященнии митрополити, архиепископи и епископи! Меньший брат ваш, смиренный Александр епископ вятский, молю святительство ваше и всего священного собора архимандритов и игуменов, священников и иноков, протопопов, иереев и дьяконов, разрешите, молю боголюбие ваше, в сомнительных о книге потребнике новом моя вопрошения, и дадите на писанной моя вопросы, яко пастыри Христова стада, писанной ответы от дарованной вам благодати, не скрывающе ничтоже, но многотрудне о мире святой, соборной и апостольския церкви полезное имуще и не смирение мое точию, но и весь православный российский народ пользующе. Много бо она книга в речах перебита, и чины и написания несходны, и ум имущим, пачеже простейшим, смущению виновна: с прежними бо нашими книгами в царствующем граде Москве тиснением печатным изданными, отнюдь не согласна и превратов исполнена, киево же печерского потребника чинми мало сходна, и с теми в речах перебита и согласия мало имать. И сих ради мнози правовернии, пачеже и христоролюбивии, смущающесе зазирают нам — архиереом, якоже не брегущим Христова стада. Пачеже во страх приведе мя вселенней проповедник Иоанн, ясно зовый, глоголя: возлюбленнии, да не презираем соблазняющихся, да не пресечение сотворим благовестию Христову и погубим спасение наше... Сих ради вонмите, молю, не свой бо разум составити ищу, но полезное церкви и верным людям, смотря в сомнительных, разрешения прошу в Божию воистину славу, и вам самим на вечную похвалу: тщася многотрудне взыскати полезное церкви и верных Христовых людей от соблазна пременяюще и во едино мудрование совокупляюще, не нужею, во волею и по Бозе; многими бо времена утвержденной обычаи неизбежно поколебати первое убо блаженное опорочити и потом благим советом соборне исправить; дерзостию бо творимое нетвердо, соблаженно воистину и смущению виновно, советомже исправленное — пользует, и верно трудившиися похвалу приобретают в роде и род и милости Бога сподобляются, аминь». После этой вступительной речи епископом Александром предлагается на решение собора сначала 20 вопросов, а потом еще 22.

В первых 20 вопросах исправленный при Никоне требник сличается с киевским требником Петра Могилы, реже с прежними московскими печатными изданиями и еще реже с рукописями. При этом сличении указываются различия и несогласия никоновского требника с требником Могилы, причем замечается обыкновенно, что в новом требнике, сравнительно с киевским, «в речах перебито и превраты исполнена», причем епископ спрашивает: «возвести, молю, который в них премудрее Петр ли Могила, или Никон?» Или, например, Александр замечает: «а иных речей (в новоисправленном требнике) против прежних наших нет, а иной писаны странно». Встречаются и такие замечания по поводу положенных в новоправленном требнике новых монашеских имен, не употреблявшихся доселе у вас и у греков, говорится: «взыскати лепо, и аще они (имена) не обретаются в греческих и в киевском потребнике, и у нас в великой России, то где обрести возможно: яже в римском костеле у латинника папы, и у жидов, а иные у еллин; но сих подражати нам верным не буди, да не радость тем будет, верным же плач. Но и у

жидов дерзость таковая не бывала, еже звати человеки Херувим и Серафим, кто бо сицевая от верных слышав, паче же виде, не соблазнится и окаянна дерзости исполненного нарицати не будет». Или, например, у него встречается такое замечание: в чинепогребения говорится, что иерей «наливает верху мощей елей от капдилы, или сыплют пепел от каидилницы и тако покрывают гроб, — и посему их мудрованию ушто едину силу имут елей от кандилы и пепел от каидилнице И мпози облазлившеся в правду, ум иступивших нарицают сице мудрствующих и глоголющихся быти мудри обюродевших, и сице облазлившихся презрети ли подобае» Или, например, сличая чин погребения священника Никон в новом требнике с киевским, замечает: «прочел же 12 икосов смеха и мятежа полны и неведомо откуды взяты, и св. апостол и св. отец разуму и мудрованию отнюдь противны, и мню, яко враг церкви некто сея расположивый, строя пагубу душам Христова стада, — кто бо от богословцев таковая мудрствова когда?».

Во второй серии вопросов епископ Александр указывает на неисправности и погрешности и в прежних печатных московских требниках 7131, 139 и 159 годов, находит в называемой Кирилловой книге разные погрешности и даже «оригеновой ереси «мудрование», и наконец одинаково осуждает потребники и Никона и Петра Могилы. Он говорит: «Петра Могилы мудрование» в потребнике его напечатано имя Господа нашего Иуса Христа — Иисус, такожде и в московском Никонове потребнике, — Петр Могила и Никон оба в сем поблудиша, и не в сем точию, но апостольские и евангельские речи перебили, един другого злейши, такожде в молитвах и в ектенях отнюдь согласия несть, ни с прежними московскими печатными потребники, ни Петра Могилы с Никоновым». Или, например, такое замечание: «како самыя Спасовы слова, и апостольския и отеческия, Петр Могила и Никон смеют превращати?» Он прямо и решительно защищает старообрядческие мнения: зачем, например, напечатано «несотворенна», вместо прежнего: «а несотворенна»; и в Духа святого Господа животворящего, с пропуском «истинного», вместо: «несть конца», напечатано: «не будет конца».

Итак вятский епископ Александр находит неисправными не только никоновские новоисправленные книги, по и южно-русские — Петра Могилы, и даже некоторые московские, напечатанные до Никона. Откуда же, по его мнению, привзошли погрешности и превраты в никоновские новоисправленные книги, и как же бы следовало и с каких именно книг исправлять погрешности в печатных московских книгах? Ответ на это епископ Александр дает в 20 вопросе первой серии, где он сличает чин погребения священника никоновского потребника с киевским. Здесь он говорит: «что много глаголати: во всяком стихе несогласия и превраты, у многих стихов концов нет, а во инех в середине многих речей нет, весь чин превратов исполнен и с киевским несогласен. Много паче препамятовати лепо блаженной памяти святейшаго Иосафа патриарха московского и всея Росии, он убо сие священническое погребение отложил, и недействительно показал, Еремы болгарского попа еретика мудрование сие нарек. И в лепоту и нам не преходити предел и своя комуждо не мудрствовати, но исправляти право истины. Правое убо ни откуду показатися имать, аще со древними согласно не будет, — новый же сей погребник ни с киевским, ни с прежними нашими московскими согласия не имать. Откуду убо явится

истиннае Зане мы в Венеции печатанных книг греческих огребатися должны есмы, и в неволи живущим греком у латинников и у еллинов, обычаев и чинов преимати несмы должны, ни просветившаго нас святым крещением равноапостольного, благоверного великого князя Владимира, нареченного во святом крещении Василия, благия нравы подражати, и при нем и по нем церковным учителем, и преподобным и богоносным отцем, в знаменях и чудесех просеявших в великой Росии, последовати, и благия их нравы и чисти и равноангельское житие подражати, тако же и чины и предания их должны есмы хранити, яко от самого Бога свидетельствованной. Древняя же греческия книги, ихже прият благоверная княгиня Ольга, нареченная во святом крещении Елена, баба Владимирова, от Фотия патриарха цареградского, такоже и Владимир, их же прият от цареградского патриарха и от корсуньского епископа, приемлем. Много паче последуем словенскому учителю блаженному Константину философу, нареченному во мнишеском чину Кириллом, и брату его Мефодию, епископу моравскому, и приведенной теми великими и святыми отцы святой книги от греческого языка на словенский, лобызаем и на них утвердимся, непоколебимое убо те нам святой книги утверждение, ихже крепко взыскати должны есмы, такожде и святое евангелие, вверженное во огонь и не сгоревшее вначале просвещения Росии, взыскати лепо и тем святым книгам последовати. а не в Венеции печатанным от еретик. Откуда убо мнящимся премудрым ослепление таковое Яве, яко от небрежения спасения своего, от растленного жития: вси бо мнящиися столпи настоящего сего времени друг со другом в чинех церковных согласия не имут, у каждого бо ихсвое мудрование, отнюдь смиренномудрия чужее, вся бо каждо гоним тщеславию виновное, и яко да века сего покоя ее славы и чести не отпадем, Христово же стадо небрежем и о спасении тех не промышляем, зане смущающихся тех о несогласии церковном духом кротости исправити не тщимся, но в своих обычаех утверждаемся, ратующе Христово стадо, древняя же церковной чины отметающе и новои необычно начинающе, вредим их же лепо пользовати».